

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА ЛИТИНСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
litgenia@yandex.ru

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ШАРАПЕНКОВА

доктор филологических наук, заведующий кафедрой германской филологии и скандинавистики Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natshar@mail.ru

РЕМИНИСЦЕНЦИИ АНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

Впервые ставится вопрос о необходимости полномасштабного изучения связей творчества Достоевского с традициями древнегреческой и римской культур, в частности исследование своеобразия их функций в художественном мире писателя. Цель работы – выявить античные реминисценции в романе «Братья Карамазовы» и проанализировать способ их функционирования в художественной структуре текста. Автор приводит и комментирует прямые отсылки к античности: имена и фамилии (Дмитрий Карамазов, Дарданелов и др.), латинские выражения, представляющие религиозную, театральную и юридическую тематику, реалии (географические названия: Сиракузы, Троя), персоналии (Эвклид, Диоген, Александр Македонский, Эзоп), образы античности (римский патриций, гетера, Венера Милосская). Обращение русского писателя к античной традиции позволяет более глубоко раскрыть образ, подчеркнуть его символичность, выразить свое отношение к персонажу или событию с помощью, в первую очередь, комического эффекта. Делается вывод о специфике индивидуального стиля писателя при работе с античными реминисценциями. Намечается вектор дальнейших научных исследований в области рецепции античности в творчестве Достоевского. Ключевые слова: интертекст, реминисценция, античность, Достоевский, латинские выражения, античная семантика христианских имен, античные реалии, античные персоналии, комизм

Для цитирования: Литинская Е. П., Шарапенкова Н. Г. Реминисценции античности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: к постановке проблемы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 56–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.386

ВВЕДЕНИЕ

Диалогичность как одно из характерных свойств произведений Ф. М. Достоевского является актуальной проблемой современной науки о русском писателе. Исследование связей творчества Достоевского с русскими и европейскими культурными традициями основывается на интертекстуальности – ключевой черте поэтики Достоевского. Евангельский текст, мифо-фольклорный текст, пушкинский текст, фаустовский текст, шиллеровский текст и т. д.¹ – традиционные направления изучения многоплановости произведений писателя. Различные аспекты осмысления античности в художественном сознании Достоевского представлены в работах Л. В. Пумпянского [22], Вяч. Иванова [13], С. А. Кибальника [15], Т. Г. Мальчуковой [18], В. В. Дудкина [11] и др.

Наше внимание фокусируется на освещении античных реминисценций в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», ранее обозначенных Т. Г. Мальчуковой по отношению к роману «Бедные люди» [19].

История и культура античности не были чужды Достоевскому. Писатель прекрасно знал

классическую традицию, систематическое знание которой он приобрел в пансионе А. Чермака, получив гуманитарное образование. Середина XIX века в России – время серьезных перемен, в том числе и в педагогической системе. На страницах романа Коля Красоткин и Алеша Карамазов ведут дискуссию, которая отражает реальную полемику 1856–1863 годов по поводу классического образования в России²:

«Классические языки, если хотите все мое о них мнение, – это полицейская мера, вот для чего единственно они заведены <...> они заведены потому, что скучны, и потому, что отупляют способности. Было скучно, так вот как сделать, чтоб еще больше было скуки? Было бестолково, так как сделать, чтобы стало еще беспотковее? Вот и выдумали классические языки» (XIV, 497–498)³.

Называя «подлостью» классицизм и латинский язык в том числе, Коля ссылается на авторитетное мнение своего гимназического учителя, классика – преподавателя латинского и греческого языков и литературы. Но позитивный образ Колбасникова оспаривается характеристикой, данной ему мальчиком чуть ранее:

«А Колбасников зол теперь у нас на всех, как зеленый осел. <...> он ведь женился, взял у Михайловых приданого тысячу рублей, а невеста рыловорот первой

руки и последней степени. Третьеклассники тотчас же эпиграмму сочинили:

Поразила весть третьеклассников,
Что женился неряха Колбасников» (XIV, 496).

Присутствие элемента комического заставляет усомниться в справедливости критической точки зрения Колбасникова, а значит, и Коли Красоткина. Комизм у Достоевского является важнейшим приемом в постижении нравственных недугов человечества⁵, в данном случае – невежества. Возникающий диссонанс в связи с противоречивыми отзывами об учителе подчеркивается не только возрастающим раздражением мальчика, но и искренним недоумением Алеши, мнение которого, как нам кажется, близко авторской позиции. Будучи несомненным сторонником классического образования, Достоевский писал:

«Там, где образование начиналось с техники (у нас реформа Петра), никогда не появлялось Аристотеля. Напротив, замечалось необычайное суживание и скудость мысли. Там же, где начиналось с Аристотеля (Renaissance, 15-столетие), тотчас же дело сопровождалось великими техническими открытиями (книгопечатания, пороха) и расширением человеческой мысли (открытие Америки, Реформация, открытия астрономические и проч.)» (XXI, 268).

Рассмотрим античные реминисценции в романе, особую группу которых составляет латинский текст. Достаточно обратить внимание на латинское наименование главы «Pro et contra», на многочисленные латинские фразы и изречения: *ad maiorem gloriam Dei, qui pro quo, dixi, incognito, sine qua...*, *nota bene, vivos voco* и др. В основном выражения отражают религиозную, театральную и юридическую тематику. В одном случае искаженная латинская фраза становится приемом комизма: «не философ, смерд» Митя при разговоре с «умным» Ракиным, желающим написать статью о деле убийства старшего Карамазова, заключает: «...де мыслибус non est disputandum» (XV, 28). Встречаются латинские фразеологизмы в русском варианте: «Хлеба и зрелищ!», – восклицает Иван в припадке на суде, «Юпитер, ты сердись, стало быть, ты не прав» – высказывание адвоката Фетюковича по отношению к товарищу прокурору Ипполиту Кирилловичу, повлекшее смех публики в силу комического сравнения. Как было отмечено А. Ю. Ниловой, «Достоевский обращается в своих произведениях к латинским выражениям для снижения. Это или маска, за которую герои прячутся в неприятной ситуации, или способ негативной или иронической (что часто одно и то же) характеристики персонажа или ситуации. Краткие, но яркие фразы привлекают внимание к тому или иному элементу текста, демонстрируя нарушение правды и закона жизни, которое происходит в этот момент» [20: 38]. Уточняющий перевод, анализ художественных функций латинского текста в творческой рецепции Достоевского должны стать предметом серьезного исследования.

В тексте романа упоминаются географические названия, связанные с античностью. Так, например, доктор рекомендует отправить Илюшу на излечение на европейский курорт в Сиракузы. Неуместность совета бедному семейству показывает высокомерие врача. Сиракузы – одна из древнейших и богатых греческих колоний Сицилии. Согласно древнегреческим мифам, именно в Сиракузах жил Дамокл, с которым связано выражение «Дамоклов меч», означающее ситуацию, таящую опасность, которая может настичь человека в любую минуту. Угроза смерти как меч Дамокла нависает над маленьким Илюшей. Так упоминание античной реалии приобретает дополнительный, имплицитный смысл.

Коля Красоткин, решая сбить своего учителя, задает ему вопрос об основателе Трои и оказывается сильнее во всемирной истории, поскольку Дарданелов не знал ответа. Ирония заключается в том, что фамилия учителя напоминает по звучанию название пролива Дарданеллы (античное название – Геллеспонт), соединяющего Европу (Балканский полуостров) и Азию (полуостров Малая Азия, Турция), где, согласно античным свидетельствам, и находилась Троя. «Благозвучная» фамилия указывает на разнородное происхождение учителя из священнического сословия.

Эпизод с затянувшимся спором об основании Трои (позднее у постели больного Илюши «стыдливый», но «умный» и «милый» мальчик Карташов осмелится соперничать с Колей Красоткиным и дать ответ) является, вероятно, откликом Достоевского на известия 1873–1876 годов об открытии легендарного города Генрихом Шлиманом, судьба которого была тесно связана с Россией [9].

Отметим, что при наименовании героев, как в случае с Дарданеловым, Достоевский активно использует имена греческого и латинского происхождения, что позволяет представить персонаж объемнее, создать комический эффект. Необходимость учета античной семантики имен персонажей романа очевидна. Так, Дмитрий от древнегреч. Διμήτριος – «посвященный Деметре, богине земли и плодородия», «земледелец». По мнению Т. А. Бондаренко, «в лексическом плане этимология отношения данного героя к языческой богине земледелия воплощается в архетипический образ необработанной стихийной силы, заключенной в характерных чертах персонажа»⁶. Имя младшего из братьев Алексей означает «защитник», образовано от древнегреческого глагола ἀλέξω – защищать. Он выступает защитником, покровителем, дипломатом в запутанных отношениях своих близких, сохраняя и укрепляя свою веру в Христа, защищая веру от неверия и сомнения. Необходимо иметь в виду, что в России XIX века имена давались по святым в честь христианских святых, мучеников,

в именах которых сохранялась первичная семантика. Так, и «Алексей» у Достоевского в первую очередь «человек Божий» [6], [10]. Анализ античных корней ономастикона Достоевского – наиболее разработанное научное направление⁷. Однако внимание уделяется в первую очередь отдельным произведениям, тогда как комплексный обзор системы античных имен и названий в творчестве Достоевского так и не состоялся.

Есть примеры античных персоналий: Диоген, Эвклид, Александр Македонский. Митя сравнивает себя с Диогеном:

«Именно тем-то и мучился всю жизнь, что жаждал благородства, был, так сказать, страдальцем благородства и искателем его с фонарем, с Диогеновым фонарем...» (XIV, 416).

Иван Карамазов, рассуждая о научном способе познания, говорит: «...у меня ум эвклидовский, земной» (XIV, 211). Высказывание героя косвенно касается популярной концепции «множественности миров», возникшей под влиянием неевклидовой геометрии, популярной в 1870-х годах [2].

В сцене скандала в монастыре Федор Павлович упоминает Александра Великого: «Да и стыдно, Господа, у иного сердце как у Александра Македонского, а у другого как у собачки Фидельки» (XIV, 70). Источником образа «чувствительного сердца» великого полководца Н. Подосокорский называет «Краткое начертание всеобщей истории, сочиненное заслуженным профессором Иваном Кайдановым» (1847) и «Краткое начертание всеобщей истории для первоначальных училищ» С. Смарагова (1845), а также некоторые библейские тексты [21]. Так, из «Всеобщей истории» Смарагова мы знаем, что Македонский, потеряв друга Гефестiona, в тоске умирает⁸. Контраст метафорических сравнений двух типов сердец в устах шута Федора Павловича нивелируется: оба признаются одинаково чувствительными. А считая свое сердце «как у собачки Фидельки», старший Карамазов оправдывает себя, приравнивая к Македонскому. Федор Павлович примеряет маску великого полководца, пытается облагородить свою натуру, заставить и себя, и окружающих поверить в собственную значительность. «Быть» и «казаться» – два полюса личности героя, отмеченные автором.

Достоевский дает малопривлекательный портрет стареющего Карамазова, отталкивающая внешность которого становится отражением его развратного образа жизни и беспокойного внутреннего состояния:

«Я уже говорил, что он очень обрюзг. Физиономия его представляла к тому времени что-то резко свидетельствующее о характеристике и сущности всей прожитой им жизни. Кроме длинных и мясистых мешочков под маленькими его глазами, вечно наглыми, подозрительными и насмешливыми, кроме множества глубоких морщинок на его маленьком, но жирненьком личике, к острому подбородку его подвешивался еще большой кадык, мясистый и продолговатый, как кошелек, что

придавало ему какой-то отвратительно сладострастный вид. Прибавьте к тому плотоядный, длинный рот, с пухлыми губами, из-под которых виднелись маленькие обломки черных, почти истлевших зубов. Он брызгался слюной каждый раз, когда начинал говорить. Впрочем, и сам он любил шутить над своим лицом, хотя, кажется, оставался им доволен. Особенно указывал он на свой нос, не очень большой, но очень тонкий, с сильно выдающейся горбиной: “Настоящий римский, – говорил он, – вместе с кадыком настоящая физиономия древнего римского патриция времен упадка”. Этим он, кажется, гордился» (XIV, 22).

Перед нами пример автоцитации описания поручика Жеребятникова из повести «Записки из Мертвого дома» 1860 года:

«Он любил, он страстно любил исполнительное искусство, и любил единственно для искусства. Он наслаждался им и, как истаскавшийся в наслаждениях, полинявший патриций времен Римской империи, избрел себе разные утонченности, разные противуестественности, чтоб сколько-нибудь расшевелить и приятно пощекотать свою заплывшую жиром душу» (IV, 147).

В обоих случаях сравнение с римским патрицием создает историко-культурный подтекст, расширяет повествовательные рамки романа, становится обобщением. Как отмечает Джи Хва Хонг:

«Он (Карамазов. – Е. Л.) не личность, он в какой-то степени – национальный тип, в какой-то степени – символ разложения и как аналог самому мощному символу разложения являет собой воплощение античных идеалов и обращения к чужим ценностям» [24: 134].

Источником образа может считаться «История» Тацита, имевшаяся в библиотеке писателя в английском и французском переводах [5].

Но рискнем, учитывая пластичность образа Карамазова, предположить, что Достоевский мог откликнуться на глиптику императорского Рима, представленную в Эрмитаже. Коллекция начинается формироваться в начале XVIII века. Как известно, Эрмитаж стал открытым для широкого доступа только с 1866 года. Однако еще во время учебы в Инженерном училище писатель бывал в Эрмитаже. Портреты-бюсты Августа, Тиберия, Нерона, Веспасиана, Тита, Адриана, Марка Аврелия, Септимия Севера, Филиппа Аравитянина реалистичны, натуралистичны. Позволим провести параллель описания внешности старшего Карамазова с портретом Филиппа Аравитянина (поступил в Эрмитаж в 1787 году).

«Немолодое лицо изрезано глубокими складками. Особую живость и впечатление подвижности придает подчеркнутая асимметрия черт лица. Глаза с глубоко прорезанными зрачками грозно смотрят из-под тяжелых нахмуренных бровей. Во взгляде – недоверие, настороженность. Тяжелый подбородок и крупный рот с резко очерченными полными губами говорят о непреклонной воле и твердом характере императора-солдата»⁹.

Образ достаточно выразительный, несмотря на условность и упрощение форм, характерных для искусства поздней античности, которое развивалось под влиянием так называемого

варварского провинциального искусства. Мы находим общие черты в описании Федора Павловича и Филиппа Аравитянина: подозрительность взгляда, глубокие морщины, «плотоядный рот с пухлыми губами» Карамазова и «крупный рот с полными губами» римского императора.

Портрет Карамазова в сопоставлении с римским изображением приобретает отчетливые карикатурные черты. Ведь и окружающие отнюдь не разделяют мнения героя о самом себе. Для Миусова он – Эзоп, шут, пьеро (XIV, 87). Сыновья Митя и Иван называют отца сниженной формой Эзоп (XIV, 29, 132; XIV, 99). Подчеркнем иносказательность образа – намек на уродство древнегреческого баснописца Эзопа. Вновь акцент на телесности. Образ неоднозначный, есть в нем и ироничность, поскольку подчеркивается особенность творчества поэта, который высмеивает пороки людей.

Сам герой очень трепетно относится к собственной внешности. Вспомним эпизод избиения Митей отца. Предвкушая встречу с Грушенькой, он обеспокоен своим неприглядным видом, просит Алешу подать ему зеркальце:

«Старик погляделся в него: распух довольно сильно нос, и на лбу над левою бровью был значительный багровый подтек».

Утром внешнее состояние ухудшилось, как и настроение «римского патриция»:

«Лоб его, на котором за ночь разрослись огромные багровые подтеки, обвязан был красным платком. Нос тоже за ночь сильно припух, и на нем тоже образовалось несколько хоть и незначительных подтеков пятнами, но решительно придававших всему лицу какой-то особенно злобный и раздраженный вид. <...> озабоченно посмотрел в зеркало (может быть, в сороковой раз с утра) на свой нос» (XIV, 130, 157).

Раздражение Федора Павловича вызвано в первую очередь осознанием им его внешней уязвимости, компенсировать которую он полагает деньгами (вспомним сравнение его кадыка с кошельком).

В сцене, предшествующей убийству, Митя, наблюдая за отцом, отмечает:

«Весь столь противный профиль старика, весь отвисший кадык его, нос крючком, улыбающийся в сладостном ожидании, губы его, все это ярко было освещено косым светом лампы слева из комнаты» (XIV, 354).

Ненавистный облик отца провоцирует в сыне «мстительную и неистовую злобу».

Скульптурность в образе старшего Карамазова перекликается с портретным описанием Грушеньки:

«Это была довольно высокого роста женщина <...> полная <...> Мягко опустилась она в кресло, мягко прошевелив своим пышным черным шелковым платьем и изнеженно кутая свою белую как кипень полную шею и широкие плечи в дорожную черную шерстяную шаль. <...> Она была очень бела лицом, с высоким бледно-розовым оттенком румянца. Очертание лица ее было как бы слишком широко, а нижняя челюсть выходила

даже капельку вперед. Верхняя губа была тонка, а нижняя, несколько выдававшаяся, была вдвое полнее и как бы припухла. <...> это было мощное и обильное тело. Под шалью сказывались широкие полные плечи, высокая, еще совсем юношеская грудь. Это тело *может быть обещало* (выделено нами. – Е. Л.) формы Венеры Милосской, хотя непременно и теперь уже в несколько утрированной пропорции, – это предчувствовалось».

Подчеркнута телесность красоты героини, не случайно сопоставление с классической скульптурой, но ее образ скорее пародия на античный идеал. Относительность, зыбкость внешней привлекательности отмечены составным глагольным сказуемым со значением модальности (см. курсив в тексте), а затем и высказыванием:

«...эта свежая, еще юношеская красота к тридцати годам потеряет гармонию, расплывется, самое лицо обрюзгнет, около глаз и на лбу чрезвычайно быстро появятся морщинки, цвет лица огрубеет, побагровеет может быть, – одним словом, красота на мгновение, красота легучая, которая так часто встречается именно у русской женщины» (XIV, 137).

Грушенька, как Елена Троянская, ставшая причиной раздора, она подобна статуе Венеры Милосской, она же «гетера» (XIV, 90) в восприятии окружающих – таков античный контекст героини. Отметим, что ранее в «Дядюшкином сне» (1859) красота Зины Москалевой также сравнивается с античным образцом:

«Она хороша до невозможности: росту высокого, брюнетка, с чудными, почти совершенно черными глазами, стройная, с могучею, дивною грудью. Ее плечи и руки – античные, ножка соблазнительная, поступь королевская. Она сегодня немного бледна; но зато ее пухленькие алые губки, удивительно обрисованные, между которыми святыся, как нанизанный жемчуг, ровные маленькие зубы, будут вам три дня сниться во сне, если хоть раз на них взглянете» (II, 304).

Символичность образов античности позволяет провести широкие параллели. Художественное обобщение наделено индивидуально-авторскими чертами, образ становится амбивалентным. В фигуре трикстера Федора Павловича смыкаются и патриций, символ упадка Римской империи, шире – российской, и шут, Эзоп. Венера Милосская – мировой образ прекрасной телесности, но и одновременно зыбкой красоты у Достоевского. Александр Македонский – полководец с «чувствительным» сердцем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы приходим к заключению, что античные реминисценции эксплицитно присутствуют в художественной структуре романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Прямыми отсылками к античности являются: имена и фамилии (Дмитрий Карамазов, Дарданелов и др.), латинские выражения, представляющие религиозную, театральную и юридическую тематику, реалии (географические названия: Сиракузы, Троя), персоналии (Эвклид, Диоген, Александр Македонский, Эзоп), образы (римский патриций, гетера,

Венера Милосская). Обращение автора к античной традиции позволяет более глубоко раскрыть образ, подчеркнуть его символичность, выразить свое отношение к персонажу или событию с помощью, в первую очередь, комического эффекта. Особенность функционирования реминисценций заключается в особой многомерности возникающих смыслов у реципиентов текста. Специфику индивидуального стиля писателя характеризует прием, когда очевидная ассоциация влечет за собой глубокий подтекст.

Исследование связей творчества Достоевского с традициями древнегреческой и римской культур – одно из перспективных направлений достоевсковедения. Представляется, что вектор дальнейших открытий в вопросе рецепции античности в творчестве русского писателя находится в области изучения не только осознанного обращения к античной традиции, но и в сфере выявления неосознанных, имплицитных связей творчества Достоевского с античной культурой.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90037.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. подробнее: Орлова С. А. Мифо-фольклорный контекст романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 23 с.; Педько М. В. Наследие Гете в творчестве Ф. М. Достоевского: структура и динамика персонажа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 22 с., а также: [3], [6], [12], [23].
- ² Пумпянский Л. В. Достоевский и античность. Пг.: Замыслы, 1922. 48 с.
- ³ См. подробнее: [14: 114–131], [22].
- ⁴ Здесь и далее текст Ф. М. Достоевского проводится по: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинение: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. В круглых скобках римской цифрой указывается номер тома, арабской – номер страницы.
- ⁵ Об эстетике комического у Достоевского см. подробнее: [16].
- ⁶ Бондаренко Т. А. Антропонимия романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: система, структура, функции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2006. С. 12.
- ⁷ См. подробнее исследования ономастики Достоевского: [1], [4], [17] и др.
- ⁸ Смарагдов С. Краткое начертание всеобщей истории для первоначальных училищ. Древняя история СПб., 1845. С. 45.
- ⁹ Сокровища Эрмитажа. М.; Л.: АН СССР и Гос. Эрмитаж, 1949. С. 33. Филипп Аравитянин Марк Юлий, римский император 244–249 гг., был низкого происхождения, коварным способом завладел властью, одержал ряд побед над карпами, готами и другими племенами. См. подробнее: [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. 280 с.
2. Баршт К. А. «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского: неевклидовская геометрия и вопрос о преодолении зла // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 134–144.
3. Башкиров Д. Л. Евангельский текст в произведениях Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2008. Вып. 5. С. 398–413.
4. Белов С. Имена и фамилии у Достоевского // Телескоп. 2014. № 6. С. 33–34.
5. Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
6. Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Пушкинский Дом, 2007. С. 195–229.
7. Виктор А. С. Извлечения о жизни и нравах римских императоров [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=639> (дата обращения 02.05.2019).
8. Вильмонт Н. Достоевский и Шиллер. М.: Сов. писатель, 1984. 280 с.
9. Гаврилов А. К. Петербург в судьбе Генриха Шлимана. СПб.: Коло, 2006. 448 с.
10. Гаричева Е. А. Евангельское слово и традиции древнерусской словесности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 188–195.
11. Дудкин В. В. Достоевский и Софокл: сходное в несходном («Эдип-Царь», «Эдип в Колоне» Софокла и «Преступление и наказание» Достоевского) // Достоевский: материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 21. С. 3–16.
12. Захаров В. Н. Символика христианского календаря в произведениях Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 37–49.
13. Иванов В. И. Достоевский и роман-трагедия // Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 282–336.
14. Измestьева Г. П. Классическое образование в истории России XIX века. М.: Пробел-2000, 2003. 335 с.
15. Кибальник С. А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб.: ИД «Петрополис», 2013. 431 с.
16. Куниловский А. Е. «Лик земной и вечная истина». О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф. М. Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 302 с.
17. Литинская Е. П. Греко-латинский контекст имени главного героя в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // MODERN HUMANITIES SUCCESS. 2019. № 3. С. 170–175.
18. Мальчукова Т. Г. Достоевский и Гомер (к постановке проблемы) // Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 3–66.
19. Мальчукова Т. Г. О литературных реминисценциях в произведениях Ф. М. Достоевского // Россия и Греция: диалоги культур. Ч. III. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. С. 5–62.
20. Нилова А. Ю. Латинский язык в творчестве Достоевского // Фортунатовские чтения в Карелии. Ч. 2. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 36–38.
21. Подосокорский Н. Александр Македонский в текстах Ф. М. Достоевского // Интернет журнал «ПРОЛОГ» молодых писателей России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ijp.ru/text/3174> (дата обращения 02.05.2019).
22. Скоропадская А. А. Обсуждение вопроса о классическом образовании в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» // Россия и Греция: диалоги культур. Ч. III. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. С. 127–132.
23. Третьякова Е. Архетипические образы славянской мифологии в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Культура. 2001. № 16 (70) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.relga.ru/n70/cult70.htm> (дата обращения 02.05.2019).
24. Хонг Джи Хва. Античность в образе Федора Павловича Карамазова // Достоевский и мировая культура. Альманах. № 10. М.: Классика плюс, 1998. С. 126–135.

Поступила в редакцию 06.06.2019

Evgenia P. Litinskaya, PhD in Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia G. Sharapenkova, Doctor of Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

REMINISCENCES OF ANTIQUITY IN DOSTOEVSKY'S NOVEL *THE BROTHERS KARAMAZOV*: FORMULATING THE RESEARCH PROBLEM*

The article for the first time raises the question of the need for a full-scale study of the links between Dostoevsky's creative works with the traditions of ancient Greek and Roman cultures, in particular the study of their specific functions in the writer's artistic world. The purpose of the work is to identify the references to antiquity in the novel *The Brothers Karamazov* and to analyze the way they function in the artistic structure of the text. The author cites and comments upon the direct references to antiquity: names and surnames (Dmitry Karamazov, Dardanelov, etc.), Latin expressions representing religious, theatrical and legal themes or realities (geographic names: Syracuse, Troy), personalities (Euclid, Diogenes, Alexander the Great, Aesop), images of antiquity (Roman patrician, hetaera, Venus de Milo). The appeal of the Russian writer to the ancient tradition makes it possible to reveal the image more deeply, emphasize its symbolism, express its attitude to the character or event, primarily with the help of the comic effect. The conclusion is made about the specifics of the writer's individual style when working with the reminiscences of antiquity. The article outlines the vector of further scientific research into the reception of antiquity in Dostoevsky's works.

Keywords: intertext, reminiscence, antiquity, Dostoevsky, Latin expressions, ancient names, ancient semantics of Christian names, ancient realities, ancient personalities, comism

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 18-012-90037.

Cite this article as: Litinskaya E. P., Sharapenkova N. G. Reminiscences of antiquity in Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). C. 56–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.386

REFERENCES

- Altman M. S. Dostoevsky. By milestones of names. Saratov, 1975. 280 p. (In Russ.)
- Barsht K. A. *The Brothers Karamazov* of F. M. Dostoevsky: non-Euclidean geometry and the question of overcoming the evil. *Philosophy Issues*. 2018. No 5. P. 134–144. (In Russ.)
- Bashkirov D. L. Gospel text in the works of F. M. Dostoevsky. *The Problems of Historical Poetics*. 2008. Issue 5. P. 398–413. (In Russ.)
- Belov S. Names and surnames in Dostoevsky's works. *Telescope*. 2014. No 6. P. 33–34. (In Russ.)
- Library of F. M. Dostoevsky: Experience of reconstruction. St. Petersburg, 2005. 338 p. (In Russ.)
- Vetlovskaya V. E. Novel *The Brothers Karamazov* by F. M. Dostoevsky. St. Petersburg, 2007. P. 195–229. (In Russ.)
- Viktor A. S. Extracts about the life and customs of the Roman emperors. Available at: <https://www.e-reading.club/book.php?book=639> (accessed 02.05.2019). (In Russ.)
- Vil'mont N. Dostoevsky and Schiller. Moscow, 1984. 280 p. (In Russ.)
- Gavrilov A. K. Petersburg in the fate of Heinrich Schliemann. St. Petersburg, 2006. 448 p. (In Russ.)
- Garicheva E. A. The Gospel word and the traditions of Old Russian literature in F. M. Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov*. *The problems of historical poetics*. Petrozavodsk, 2012. Issue 10. P. 188–195. (In Russ.)
- Dudkin V. V. Dostoevsky and Sophocles: similarity of dissimilarity (*Oedipus the King* and *Oedipus at Colonus* by Sophocles and *Crime and Punishment* by Dostoevsky). *Dostoevsky: materials and studies*. St. Petersburg, 2016. Vol. 21. P. 3–16. (In Russ.)
- Zakharov V. N. Symbolism of the Christian calendar in the works of Dostoevsky. *New aspects in Dostoevsky's studies*. Petrozavodsk, 1994. P. 37–49. (In Russ.)
- Ivanov V. I. Dostoevsky and the tragedy novel. *The indigenous and the universal*. Moscow, 1994. P. 282–336. (In Russ.)
- Izimestjeva G. P. Classical education in the history of Russia of the XIX century. Moscow, 2003. 335 p. (In Russ.)
- Kibalik S. A. Problems of intertextual poetics of Dostoevsky. St. Petersburg, 2013. 431 p. (In Russ.)
- Kunil'sky A. E. "The earthly face and eternal truth". The perception of the world and the image of the hero in F. M. Dostoevsky's works. Petrozavodsk, 2006. 302 p. (In Russ.)
- Litinskaya E. P. The Greco-Latin context of the main characters' names in F. M. Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*. *MODERN HUMANITIES SUCCESS*. 2019. No 3. P. 170–175. (In Russ.)
- Malchukova T. G. Dostoevsky and Homer (formulating the research problem). *New aspects in Dostoevsky's studies*. Petrozavodsk, 1994. P. 3–66. (In Russ.)
- Malchukova T. G. Literary reminiscences in the works of F. M. Dostoevsky. *Russia and Greece: dialogues of cultures*. Part III. Petrozavodsk, 2019. P. 5–62. (In Russ.)
- Nilova A. Yu. The Latin language in Dostoevsky's works. *Fortunatov Readings in Karelia*. Part 2. Petrozavodsk, 2018. P. 36–38. (In Russ.)
- Podosokorskiy N. Alexander of Macedon in the texts of F. M. Dostoevsky. *PROLOGUE, online journal of Russian young writers*. Available at: <http://www.ijp.ru/text/3174> (accessed 02.05.2019). (In Russ.)
- Skoropadskaya A. A. Discussion of the classical education issue in the Dostoevsky brothers' journals *Time* and *Epoch*. *Russia and Greece: dialogues of cultures*. Part III. Petrozavodsk, 2019. P. 127–132. (In Russ.)
- Tretyakova E. Archetypal images of Slavic mythology in Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*. *Culture*. 2001. No 16 (70). Available at: <http://old.relga.ru/n70/cult70.htm> (accessed 02.05.2019). (In Russ.)
- Hong Ji Hua. Antiquity in the image of Fyodor Pavlovich Karamazov. *Dostoevsky and world culture. Almanac*. No 10. Moscow, 1998. P. 126–135. (In Russ.)

Received: 6 June, 2019